

любовью, портвейном и еще с черт знает чем.

Ты сжимаешь кулаки.

Кровь стучит в висках.

И вены, как мосты, встают на руках.

В крови бьется тигром адреналин.

Ты помнишь, что это такое —

быть молодым!

Это было совсем недавно, и совсем недавно мы слушали песню КИНО с такими словами:

Рок-н-рольное время ушло

безвозвратно.

Охладили седины твоей юности пыл.

Но я верю, и мне верить в это

приятно,

Что в душе ты остался таким же,

как был.

Это была песня про битника, которых тогда еще можно было видеть среди «ветеранов» «Сайгона». А теперь ветеранами уже не существующего «Сайгона» стали сами стремные детки начала восьмидесятых, разумеется, те, кто остался жив и никуда не делся. Много лет прошло и пройдет не меньше, но я верю, и мне верить в это приятно, — будет вот как. На вокзале тетенька-диктор скажет: «Поезд номер такой-то сообщением Москва — Ленинград прибыл на такой-то путь». И ты выйдешь из поезда и окажешься на перроне, и влажный питерский ветер встретит тебя. Вполне возможно, что ты скажешь: «Ништяк!», и это будет лето. «Во рту дымится сигарета». «Штаны истерты, как монета». И все такое, знакомое до едва заметной смены интонаций. «Мы берем такси, когда в кармане голяк!» И дальше, дальше: «Весь бэнд играет ритм, а я играю чёс». «Из вагона на перрон».

— Майк, ты читал «Максима и Федора»?

— А пошли вы в ж... со своим «Максимом и Федором»!

«Я возвращаюсь домой!»

«Не забывать вещей!» Будет солнце на Невском, и будет неохота лезть в троллейбус, и мы пойдем пешком. Туда, где уже в девять утра можно выпить двойной кофе без сахара. «Лето. Я весь изжарен, как котлета». «Сегодня сейшен в Ленсовете. А не пойти ли мне туда?». И тот, кто узнает его первым, обронит, выдохнет звонкое слово — Майк! Ох, Майк. Непревзойденный лирик цинизма, «посол рок-н-ролла в неритмичной стране».

Майк Науменко, Михаил Науменко, далее — скучная библиографическая справка, но мы оставим три слова: Майк, ЗООПАРК, рок-н-ролл. Мы оставим названия альбомов и так немного картинок. Фотография: Майк и Боб, потом — улица, время фестиваля, Майк в темных очках, с гитарой, еще — фильм ЯХХА, снова Майк, зеркало... «Дед Мороз у зеркала с бритвой в руке». Много ли вспоминать, долго ли жить и все ли спето? Самая рок-н-рольная команда питерского, российского рока, бешеный драйв, магические блюзы, горланый голос, блеск интонаций, жесткий аскетизм звука.

Сам жанр бродяг — вечно играющий, парадоксальный, циничный и нежный рок-н-ролл — персонифицировался в имидже Майка, если только это можно назвать имиджем. Вряд ли тот Майк, что когда-либо стоял на сцене, отличается от того, кто проживает по такому-то адресу. Майк, любовь рок-н-ролла, напоминающий неизменно пьяного Силена, покачивающегося среди дионисийской свиты и поднимающего голову от бурдюка, чтобы произнести еще одну пьяную истину:

Сегодня ночью все будет хорошо.

Сегодня ночью никто не родится

и никто не умрет.

Никто не покончит с собой

и никто никого не убьет.

Сегодня ночью все будет хорошо.

«А я прямой безбожник». Тот альбом, что нейдет у меня из головы, назывался так: «Пятьдесят пять». Понятия не имею, что это значит, но при желании можно придумать. Это был великий альбом рок-н-ролла. Качество звучания было еще то, но все песни в альбоме, наполненные самим духом питерского бродяжничества тех лет, стали хитами. «Я написал для Свины две песни, хорошую и плохую. Свин, есте-

ственно, предпочел плохую. Я пою хорошую». Так, значит, для Свины. Для Цоя тоже есть, долгий диалог, забытая привычка перебрасываться репликами. Цой: «Время есть, а денег нет. И в гости некуда пойти», «Девяносто два дня — лето. Солнце в кружке пивной, солнце в грани стакана в руке!» Майк: «Лето. Время есть, а денег нету». Или: «Деньги есть, а пива нету». И, наконец, самостебный симбиоз — Майк и БГ, записавшийся на «55», второй голос, губная гармошка, етс. Хорошая пара — сразу вспоминаются трогательные кадры хроники, РОЛЛИНГ СТОУНЗ в студии БИТЛЗ, да, «Гуру из Бобруйска» — так называлась вещь, БГ — «голос война Джа». Отлично было, достойное было решение последующего эстетического противостояния АКВАРИУМА и ЗООПАРКА — аквариумское звучание губной гармошки и голос Майка, глумливо и ласково выпеваящий слово «растафара».

Песня для Свины, а еще БГ, поет и на гитаре играет, а еще «Лето», а еще для тебя песня, хотя ты тогда, в те достославные времена, и слыхом не слышал обо всем об этом. Или нет? Чем ты тогда занимался, помнишь? «Но я верю, и мне верить в это приятно...». Есть ностальгия, вот что. И я хочу сойти на питерском перроне и направиться напрямиком в какой-нибудь ДК, пробраться там в безумный зальчик, усесться на пол — желательно перед сценой, поближе чтобы, — и услышать. «Сладкую N». «Дубль № 21». «Гопники». «Уездный город N». И еще много чего. И новых песен. И чтобы снова «странные дни отыскиали меня», — в конечном итоге все дело в собственном состоянии, эпоха снова уходит, рок-н-ролл снова остается, мы неплохо оттянулись, и это — повод продолжить.

Анастасия РАХЛИНА.

РОК-БАРОМЕТР

НОСТАЛЬГИЯ — присуще ли это зовущее чувство бесшабашному рок-н-роллу? Ностальгия по вечно пьяному, детскому времени питерского начала восьмидесятых, времени рок-н-ролла, что гуляло в нашей крови, перемешанное с